

Научная статья

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.4>

УДК 94 (470.6)"18"

ВНЕШНИЕ ВЛИЯНИЯ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЧЕЧЕНСКОМ ОБЩЕСТВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Исмаил Султанович Денильханов

Пятигорский государственный университет (д. 9, пр-кт Калинина, Пятигорск, 357532, Российская Федерация)

Аспирант

ud@pgu.ru; <https://orcid.org/0009-0005-8107-0493>

Аннотация. Введение. Автор статьи рассматривает и анализирует влияние внешних аспектов на развитие социальных процессов в чеченских обществах второй половины XIX в. По его мнению, основную и главенствующую роль в гальванизации перемен, происходивших в чеченских обществах, играла Российская империя, придя на Северный Кавказ и предложив местным народам собственную парадигму развития, способствовала ускорению внутрисистемных преобразований, имевших корни в отдаленном прошлом. Традиционный патриархальный уклад жизни стал подвергаться испытанию из-за воздействия социально-культурных и социально-экономических новаций, связанных с внедряемыми в крае капиталистическими отношениями. **Материалы и методы.** Исследование построено на основе аналитического осмысления работ известных отечественных историков-кавказоведов, этнографов и политэкономистов, посвященных социально-политическим условиям развития Северного Кавказа XVII – второй половины XIX в. и основывалось на принципах историзма, научной объективности и достоверности. Обращение к научному творчеству конкретных исследователей обуславливалось как глубиной и всесторонностью их проникновения в существо рассматриваемой проблематики, интегральным и панорамным видением исследуемых исторических процессов, так и, отчасти, близостью их этнонационального происхождения к этнокультурному миру чеченского народа. **Анализ.** Представленная точка зрения М.А. Мамакаева на роль, которую играл в чеченских обществах тайп в течении длительного исторического времени, не вызывает сомнения. Эта кровнородственная структура обладала большой пластичностью и умела эффективно отвечать на запросы местных обществ, реагировать на происходившие внутренние и внешние вызовы. Опираясь на мнения М.О. Косвена, К.-С. А.-К. Кокурхаева, А.И. Робакидзе и Р.Л. Харадзе, автор пришел к выводу о том, что сила тайповой организации общественной жизни

горных чеченцев была обусловлена вековым опытом борьбы за выживание, заставлявшим придерживаться внутриэтнической солидарности, в немалой степени, нивелировавшей социально-классовое расслоение, неминуемое в новых исторических обстоятельствах. Именно внешний фактор (Россия), как представляется, содействовал сохранению традиционных, патриархальных норм регулирования жизни у чеченцев. **Результаты.** По итогам проведенного исследования и с учетом точки зрения В.И. Ленина на разворачивавшиеся социально-экономические процессы в регионе после прихода туда России, вместе с которой на Северный Кавказ стали проникать смыслы и практика капитализма, можно констатировать, что традиционное социально-культурное и экономическое устройство местной жизни подверглось существенному реформатированию и было привязано к таким же процессам, происходившим внутри самой Российской империи. Они во многом содействовали темпам и глубине обновленчества после устранения конкуренции со стороны горской государственности – имамата.

Ключевые слова: Россия, чеченские общества, родовые отношения, внешнее воздействие, капитализм, социальное неравенство

Для цитирования: Денильханов И. С. Внешние влияния на социальные процессы в чеченском обществе второй половины XIX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 234–239. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.4>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 13.11.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.02.2024.

Статья принята к публикации: 25.04.2024.

Research article

EXTERNAL INFLUENCE ON SOCIAL PROCESSES IN CHECHEN SOCIETY IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Ismail S. Denilkhano

Pyatigorsk State University (9, Kalinin Avenue, Pyatigorsk, 357532, Russian Federation)

Postgraduate student

ud@pgu.ru; <https://orcid.org/0009-0005-8107-0493>

Abstract. Introduction. The article examines and analyzes the influence of external aspects on the development of social processes in Chechen society in the second half of the 19th century. According to the author, the main and leading role in the galvanization of the changes that took place in Chechen societies was played by the Russian Empire, which, having come to the North Caucasus and offered the local peoples its own development paradigm, contributed to the acceleration of intra-system transformations that had roots in the distant past. The traditional patriarchal way of life began to be tested due to the impact of socio-cultural and socio-economic innovations associated with the capitalist relations introduced in the region. **Materials and Methods.** The study is based on an analytical

comprehension of the works of famous domestic historians of the Caucasus, ethnographers and political economists devoted to the socio-political conditions of the development of the North Caucasus in the 17th – second half of the 19th centuries and was based on the principles of historicism, scientific objectivity and reliability. The appeal to the scientific work of specific researchers was determined by both the depth and comprehensiveness of their penetration into the essence of the problem under consideration, the integral and panoramic vision of the historical processes under study, and, in part, by the proximity of their ethno-national origin to the ethno-cultural world of the Chechen people. **Analysis.** According to M.A. Mamakaev's point of view, the role that the taip played in Chechen societies for a long

historical time is beyond doubt. This consanguineous structure had great plasticity and was able to effectively respond to the demands of local societies, to respond to internal and external challenges. Based on the opinions shared by M.O. Kosvena, K.-S. A.-K. Kokurkhaeva, A.I. Robakidze and R.L. Kharadze, the author came to the conclusion that the strength of the taip organization of the social life of the mountain Chechens was due to the age-old experience of the struggle for survival. It forced them to adhere to intra-ethnic solidarity, which to a large extent leveled the social class stratification inevitable in new historical circumstances. It is the external factor (Russia) that seems to have contributed to the preservation of traditional patriarchal norms for regulating life among the Chechens. **Results.** With account of the results of the study and V.I. Lenin's point of view on the unfolding socio-economic processes in the region after the arrival of Russia, along with which the meanings and practices of capitalism began to penetrate the North Caucasus, it can

Введение. Социальные перемены невозможно привязать к строго определённой стадии в развитии исторического процесса. Они, как правило, не связаны с каким-то конкретным событием и обуславливаются многими факторами, доминирование которых трудно выявить и определить, происходят постепенно, при жизни нескольких поколений. Например, буржуазные реформы второй половины XIX в., обладавшие мощным энергетическим зарядом, не привели к резкому искоренению привычных чеченцам социальных норм и институтов, которые продолжали функционировать весь рассматриваемый период. В ходе рассмотрения заявленной проблемы, обращалось внимание на то, что в фундаментальной работе, вышедшей под грифом Российской Академии наук, посвящённой чеченскому этносу, его истории и культуре, указанные процессы были ограничены весьма скупой констатацией: «В России во второй половине XIX века шёл процесс расширения внутреннего рынка и включения в этот процесс национальных окраин, каковой и являлась Чечня. Преобразования в Чечне были вызваны к жизни реформами в самой России. И они были призваны способствовать ломке старых, отживших патриархально-родовых и феодальных пережитков, замене их товарно-денежными отношениями» [17, с. 310]. В связи с этим возникает необходимость в характеристике местной социальной практики, ещё не затронутой российским государственным воздействием.

Материалы и методы. Значительную роль у чеченцев играл тайп, или род. К моменту активизации России на Кавказе он уже сложился и играл определяющую роль в регламентации жизни вайнахов. Это была структура, обладавшая большой инерционностью и потенциалом, не застывавшая во времени [14, с. 174]. Тайп менялся в зависимости от того, какие исторические вызовы вставали перед чеченским обществом. Данную ситуацию можно прокомментировать, опираясь на авторитетное мнение чеченского исследователя М.А. Мамакаева, который отмечал, что «у чеченцев всё ещё сохранялись довольно ярко выраженные черты тай-

пового строя, но рядом с ними и вопреки им вырастали и неуклонно развивались элементы новых феодальных, а затем и капиталистических отношений» [9, с.7]. Старые тайповые корпорации начали только отступать и вытеснялись на второй план, но упорно сопротивлялись и боролись за своё существование.

Keywords: Russia, Chechen society, tribal relations, external influence, capitalism, social inequality

For citation: Denilkhanov IS. External influence on social processes in Chechen society in the second half of the 19th century. *Humanities and law research*. 2024;11(2):234-239. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.4>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 13.11.2023.

The article was approved after reviewing: 18.02.2024.

The article was accepted for publication: 25.04.2024.

пового строя, но рядом с ними и вопреки им вырастали и неуклонно развивались элементы новых феодальных, а затем и капиталистических отношений» [9, с.7]. Старые тайповые корпорации начали только отступать и вытеснялись на второй план, но упорно сопротивлялись и боролись за своё существование.

В своих выводах исследователь весьма осторожен, поскольку понимал, что несмотря на усилившиеся социальные противоречия, которые разъедали чеченское общество, родовые институты даже к началу XX в. продолжали определять порядок в регламентации и организации различных сторон их жизни. Это было связано с вековым опытом борьбы за выживание, заставлявшим придерживаться внутриэтнической солидарности, в немалой степени нивелировавшей социально-классовое расслоение, неминуемое в новых исторических обстоятельствах. Именно внешний фактор, каким была в ту пору Россия, как представляется, в большой степени содействовал сохранению традиционных, патриархальных норм регулирования жизни у чеченцев, способствуя поддержанию этнокультурной идентичности. Это также можно отнести к тому посттравматическому состоянию, из которого с огромным трудом выходили вайнаховские общества.

Скорее всего, процесс социального и имущественного расслоения в чеченском тайпе продолжался не одно столетие. Иногда нижнюю хронологическую границу такой трансформации относят к XVI в., когда у чеченцев начался постепенный процесс феодализации, с присущим ему социальным и имущественным неравенством [7, с. 9, 31]. Но даже в этом случае нельзя быть до конца уверенным, что установление института частной собственности не произошло ранее. Попытки обнаружить истоки данного явления со стороны российских этнографов успехом не увенчались. Письменных свидетельств не было, а в народной памяти такие границы не отложились. В лучшем случае можно было получить ответ, что это было ещё до имамата или просто давно. Но так или иначе его наличие отрицать в общественном существовании не приходится [16, с. 11; 2, с. 51].

Имея право на пользование участком земли в случае его занятия раньше остальных, отдельный владелец не мог рассчитывать на то, что он получит надел больше, нежели это было необходимо для «жизни семьи». Но ни о каком праве торговать наделом либо получать с него излишки урожая не для собственного пропитания, а для реализации на рынке речь не шла. Впрочем, такого рода ограничения были скорее благими пожеланиями, так как на практике одни семьи получали земли больше, другие меньше, а третьим вообще не доставалось ничего. В рассматриваемый период ситуация достигла критического состояния. Все имевшиеся земельные участки были поделены, и дальнейшие захваты приводили к конфликту интересов между претендовавшими на займище семьями и остальным обществом.

Имперские власти не желали вмешиваться в регулирование подобных споров и предпочитали перекладывать поиск выхода на самих чеченцев. В этом случае всё должен был решить общественный приговор, но он в сложившихся обстоятельствах не гарантировал соблюдения интересов всех участников. Как правило народные сходы «оканчивались одними злобными разговорами, в результате которых получалось как бы узаконение захвата. Захватчик всегда подбирал себе партию сторонников и являлся с ними на сходку; здесь все они отстаивали сделанный захват, основанный на существовавшем с давних пор порядке» [3, с. 48]. Попытки оспорить такие действия не имели положительного результата, так как разбивались об аргументы оппонентов, настаивавших на том, что уже предки имевшихся владельцев земли поступали аналогичным образом. Если захват участка оппоненты считали недопустимым, то пусть они разделят свой надел и поделится с нуждающимися [3, с. 48].

Подобное противостояние постепенно усиливалось. Успевшие завладеть землей раньше остальных претендентов фамилии старались изменить существующие правила перераспределения земли. Они утверждали, что самозахваты неприемлемы и их следует трактовать как незаконные. Прежнее право сильного не устраивало формирующуюся социальную верхушку, которая хотела легитимизировать свой привилегированный имущественный статус. Юридически это нигде не было зафиксировано, но судя по данным фольклора, в котором фигурируют «князья» и простой народ, который зависит от воли этих людей, ни о каком равенстве речь уже не шла.

Процесс феодализации среди чеченцев на равнине происходил быстрее, чем в горных районах. Тем не менее везде можно было встретить такое понятие, как сильный или слабый тайп [15, с.132]. То есть в качестве формирующегося феодала выступал нередко не отдельный человек, а

коллектив, возвысившийся над остальными. В новых условиях он мог ещё больше закрепить своё положение, т.к. обладая превосходством в стартовых материальных возможностях, гораздо легче встраивался в новые экономические реалии. А со временем это давало и социально-политические преимущества над соседями.

Но для закрепления полученного результата необходима была третья сила, которая поддержала бы претензии чеченской элиты на её новый статус. И этой силой стала имперская власть, всячески поддерживавшая право частной собственности у чеченцев, рассчитывая, что возникший зажиточный слой будет отличаться лояльностью, опасаясь покушений на свои права и приобретённую собственность.

Такая ситуация вполне устраивала и новую чеченскую знать. Недовольство обделённых правами и материальными возможностями сородичей всегда можно было отвести от себя и канализировать в сторону царской администрации, мотивируя тем, что это русские навязывают и защищают порядки, не соответствующие традиционным нормам и обычаям горцев.

Примечательно, что народившаяся старшинская верхушка вынуждена была соблюдать некоторую осторожность в повседневном существовании, старалась не провоцировать без нужды своих соплеменников, не выделялась из общей массы и не пользовалась маркерами высокого статуса, например, богатой одеждой, манерой поведения, сохраняла показное пренебрежение к привычной работе и т.п. Делалось это, в том числе, из опасения навлечь гнев и расправу со стороны менее преуспевших членов общества. У чеченцев был известен обычай *байталваххар*, предусматривавший изъятие ценностей у таких людей в пользу коллектива [9, с. 31].

Существовавший тайповый порядок базировался на традиционном способе хозяйствования, основой которого были скотоводство, земледелие, охота. Но капиталистическая модернизация, навязываемая извне, повлияла на эту модель социально-хозяйственных отношений, вносила коррективы в её формы и процессы. Отсюда происходили изменения, которые стали отчётливо просматриваться к началу XX в., размывая прежние способы солидаризации чеченского этноса. Даже в рамках одного тайпа не наблюдалось равенства между семьями. По мере развития торговли, денежного обращения процесс расслоения ускорился, и в Чечне появились свои землевладельцы-помещики, которые «широко использовали сохранившиеся родовые институты чеченцев в своих политических и экономических интересах» [9, с. 66]. В этом активно участвовало и царская администрация, щедро наделяя находившихся на государственной службе офицеров и чиновников из числа чеченцев земельными пожалованиями [13, с. 261 – 262].

Отметим, что к рассматриваемому периоду у чеченцев стали формироваться собствен-

ные военные династии. Сразу несколько поколений мужчин из одной фамилии выбирали себе армейскую стезю, добиваясь на службе весьма почётных и высоких званий [1, с. 483]. Данное исследование проводилось с учетом исторического контекста и метода исторической реконструкции. При помощи метода научного синтеза, двигаясь от конкретного к абстрактному, достигались новые знания, которые помогли автору сформулировать собственное видение исследуемой проблемы.

Анализ. Следует отметить, что процесс социального расслоения чеченцев начался задолго до описываемых событий. Осваивая равнину и будучи недостаточно сильными, чтобы противостоять аварским или кумыкским князьям, они приглашали к себе феодалов из Кабарды, чтобы с их помощью закрепиться на новом месте. В дальнейшем, создав достаточный экономический и демографический базис, создав военную мощь, чеченцами были изгнаны иноплеменные княжеские фамилии, а им на смену пришли собственные феодализирующиеся вожди.

Для обоснования своей новой статусности они стремились закрепить за собой права на лучшие земли, которые пытались передавать своим потомкам по наследству. Однако общественное мнение крайне враждебно относилось к подобным устремлениям. «Наказать» такого выделившегося лидера, осмелившегося возвыситься над остальными соплеменниками, считалось делом праведным, которое имело моральную поддержку среди многих чеченцев [5, с. 252]. Для этого у них существовал уже ранее упоминавшийся обычай *бай-талвакхар*, согласно которому если у владельца было обнаружено число голов скота, превысившее «установленную на основе коллективного опыта норму, то, по решению старейшин, все члены аульного общества в назначенный день захватывали скот и остальное имущество разбогатевшего скотовода-односельца и делили их между собой. При этом оставляли долю и незадачливому богатей» [5, с. 228-229].

Удар по амбициям формирующейся верхушки нанёс имамат Шамиля, который в первое время делал ставку на поддержание социального равенства среди горцев и боролся со старой горской аристократией [12, с. 391-394]. Но вскоре на смену прежним владельцам стали приходиться наибы самого Шамиля, которые возобновили практику изъятия земли у своих земляков. При этом изъятие коллективной собственности мотивировалось военной необходимостью, а пытавшиеся сопротивляться объявлялись врагами и безжалостно наказывались [9, с. 68-69].

Достигнутое социальное положение и боязнь его лишиться после ослабления горского имамата были основными причинами перехода этих людей на сторону царского правительства. Таким способом они стремились сохранить за собой все приобретения, полученные на службе

имаму, который не мог гарантировать своим наibaм этого, а потому новая знать меняла повелителя и начинала сражаться против своего прежнего повелителя. Поражение имамата и начавшиеся буржуазные преобразования открывали перед этими людьми новые возможности, чем они не преминули воспользоваться. К концу XIX столетия сформировался «солидный слой сельской и городской буржуазии» из числа чеченцев [9, с. 73].

Таким образом, естественный процесс постепенного преобразования кровнородственных оснований тайпа под воздействием внешних влияний, гальванизировали общественно-экономические процессы в горской среде и приводили к его дроблению и расселению родственных групп и отдельных семей на другие территории [17, с. 291].

Изменения в традиционном быте чеченского общества, инициированные имперской администрацией, ускорили ход переселения чеченцев на равнину. Стремясь сохранить контроль над горами, царские чиновники предпочитали, чтобы те поселялись в легкодоступных местах, и способствовали созданию в плоскостных районах крупных чеченских поселений [4, с. 103]. Считалось, что в плоскостном ауле должно было быть не менее 300 дворов. Естественно, что там, в таком случае, поселялись представители разных фамилий, а потому прежние способы регламентации социальных отношений переставали действовать [6, с. 13].

На новом месте уже нельзя было сослаться на обычай, по которому распределялись земельные наделы. В этом случае власти могли по своему усмотрению наделять ими наиболее лояльно относящихся к ним чеченцам, как правило, находившихся на царской службе. Обращает на себя внимание факт череды пожалований, последовавших в 1860-е годы, когда горская знать наделалась тысячами десятин земли и могла ещё докупить необходимые ей участки [10, с.119]. Это позволяло рассчитывать на появление в горах социальной опоры имперской власти, обязанной своим материальным благополучием государству. Сюда же можно отнести и усилия по освобождению бывших невольников-лаев. Их было немного, но и они своим статусом свободного человека были обязаны инициированным Россией преобразованиям [10, с. 131].

Такими мерами имперские власти «стремились, с одной стороны, сохранить классовую солидарность с местной феодальной верхушкой, а с другой – завоевать симпатии крестьян...» и таким образом достичь желаемого конструктивного диалога с теми, кто готов был признать новые реалии и выстраивать мирную жизнь [11, с.36]. Чем шире была бы обеспечена социальная база поддержки российских порядков, тем надёжнее можно было упрочить позиции государства в крае.

Новые веяния нашли отражение и в изменении форм горской семьи. Ранее в основе социальной организации чеченцев лежала большая патриархальная семья, что было обусловлено, прежде всего, особенностями хозяйственного уклада. В новых условиях начались разделы патронимий на небольшие индивидуальные семьи, которые получали свой надел от общества. Такая ячейка качественно отличалась от предшественницы.

Уместно привести характеристику этого процесса, которую дал известный этнограф М.О. Косвен: «Большая семья в тех её образцах, которые нам преимущественно известны, является типической формой патриархально-родового строя, его специфическим выражением. С распадом этого строя распадается и большая семья. Возникает новая общественная ячейка – малая, или индивидуальная, семья, состоящая из родителей и детей. Она сначала лишь вызревает и дифференцируется в недрах большой семьи, а затем взрывает её: большая семья прекращает своё существование, распавшись на малые семьи. Малая семья отличается от большой не только количественно, но и качественно. Будучи выразительницей уже не первобытнообщинного, а нового – частнособственнического начала, малая семья становится основной ячейкой нового, классового общества» [7, с. 6-7]. Стремительно выходя за рамки натурального хозяйства, чеченское общество приспособлялось к новым экономическим условиям, для которых понадобилась и другая социальная конструкция.

При этом преждевременно было бы утверждать, будто патриархальная семья оказалась полностью отринута в одночасье. Она ещё долгое время продолжала существовать наряду с малыми семьями, что вполне соответствовало мировой практике, являясь исторически универсальным явлением [7, с. 7].

Тем не менее пореформенная община чаще объединяла малые моногамные семьи. Они получили хозяйственную самостоятельность, хотя и сохраняли идеологическое единство с распадающейся большесемейной общиной. Когда речь шла о создании хозяйственных объединений для содержания скота, для покоса, то объединялись, как правило, родственники. Без подобной кооперации малые семьи не смогли бы успешно вести своё хозяйство, особенно в горных районах края.

Царская администрация пыталась сдерживать процесс распада большой патриархальной семьи. Она была удобна и выгодна как фискальный орган. Но частнособственнические отношения всё увереннее разъединяли её изнут-

ри. Не бытовые ссоры, а капиталистический уклад приводил к семейным разделам, разрушал традиционный образ жизни. То и дело возникали имущественные споры. Они провоцировались захватами отдельными разбогатевшими малыми семьями имущества своих сородичей.

Результаты. Проведенный анализ показал, что социальное разложение наиболее быстрыми темпами происходило в равнинной части Чечни. Здесь товарно-денежные отношения укрепили связь с рынком, что заметно углубило этот процесс. Появились новые типы сельского населения. В этой связи, считаем уместным обратиться к работам В.И. Ленина, который, будучи современником указанных явлений, достаточно вдумчиво описал это явление, отметив, как из слоя «середняков» появляется зажиточное крестьянство или сельская буржуазия. Данная универсальная тенденция проявила себя и в Чечне. В частности, в книге «Развитие капитализма в России» В.И. Ленин уделил достаточно внимания социально-экономической ситуации на Кавказе. Им было также отмечено, что экономически «завоевать» регион империя смогла позднее, нежели одержала над ним военно-политическую победу. Для поддержания контроля над этой территорией власти проводили активную колонизационную практику, изменяя хозяйственно-культурный тип местных народов, последствия которых, по мнению В.И. Ленина, заключались в том, что «русский капитализм втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности – остаток старинной патриархальной замкнутости, – создавал себе рынок для своих фабрик. Страна, слабо заселённая в начале пореформенного периода или заселённая горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином пшеницы и табака...» [8, с. 593-594].

Патриархальные нравы не могли и не желали признавать новую мораль и порождали социальные коллизии, которые отличали наступившую эпоху всепобеждающего рынка. Эти процессы вызывали фрустрацию даже у русской части кавказского общества, более открытой и приспособленной к восприятию новаций. Для жителей Кавказа капитализм с его прева-лированием индивидуализма над коллективизмом вообще был духовной катастрофой, крушением привычного мироустройства.

Литература

1. Арсанукаева М. С. Поручик Эсан-хан Алиев: страницы военной биографии (1883-1908 гг.) // Сборник научных трудов Академии наук Чеченской Республики и Комплексного научно-исследовательского института им Х.И. Ибрагимова / Под ред. Ш. А. Гапурова, Д. К.-С. Батаева. Грозный: АН ЧР, 2019. № 8. С. 482–492.
2. Ахмадов Ш. Б. К вопросу о социальных отношениях в Чечено-Ингушетии в XVIII в. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI–начало XX в.). Грозный, 1979. С. 49–69.

3. Иваненков Н. Е. Горные чеченцы. Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области // Терский сборник. Литературно-научное приложение к «Терскому Календарю» 1911 г. / Под ред. М. А. Караулова. Владикавказ, 1910. Вып. VII. 224 с.
4. Исаев С. А. Из истории социальных отношений и классовой борьбы в Чечено-Ингушетии в последней четверти XIX в. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI–начало XX в.). Грозный, 1979. С. 102–116.
5. Карпов Ю. Ю. Образы насилия в новой и новейшей истории народов Северного Кавказа // Антропология насилия / Ответственные редакторы В. В. Бочаров и В. А. Тишков. Санкт-Петербург: Наука, 2001. С. 221–262.
6. Кокурхаев К.-С. А.-К. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей: монография. Грозный: Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга», 1989. 112 с.
7. Косвен М. О. Семейная община и патронимия: монография. Москва: АН СССР, 1963. 220 с.
8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Москва: Издательство политической литературы, 1971. Т. 3. 792 с.
9. Мамакаев М. А. Чеченский тайп (род) в период его разложения: монография. Грозный: Книжное изд-во, 2009. 111 с.
10. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1967. Т. I. 316 с.
11. Рамазанов Х. Х. Проведение земельной реформы в горских районах Северного Кавказа // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX – начале XX в. Сборник научных трудов. Краснодар, 1987. С. 34–45.
12. Руновский А. Взгляд на сословные права и на взаимные отношения сословий в Дагестане // Военный сборник. Санкт-Петербург, 1862. Т. XXVI. С. 373–404.
13. Терский календарь на 1895 год. Издание Терского областного статистического комитета под ред. Г. А. Вертепова. Владикавказ, 1894. Вып. 4. 355 с.
14. Харадзе Р. Л. Некоторые стороны сельско-общинного быта горных ингушей // Кавказский этнографический сборник. Вып. II. Очерки этнографии горной Ингушетии. Тбилиси: Мецниереба, 1968. С. 165–198.
15. Харадзе Р. Л., Робакидзе А. И. Характер сословных отношений в горной Ингушетии // Кавказский этнографический сборник. Очерки этнографии горной Ингушетии. Тбилиси: Мецниереба, 1968. Вып. II. С. 127–164.
16. Хасбулатов А. И. Чечено-Ингушетия накануне первой русской буржуазно-демократической революции: монография. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1963. 79 с.
17. Чеченцы / отв. ред. Л. Т. Соловьёва, В. А. Тишков, З. И. Хасбулатова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Комплексный научно-исследовательский ин-т Х. Ибрагимова РАН. Москва: Наука, 2012. 622 с.

References

1. Arsanukaeva MS. Lieutenant Eksan-khan Aliev: pages of military biography (1883-1908) in Collection of scientific works of the Academy of Sciences of the Chechen Republic and Kh.I. Ibragimov / Ed. Sh.A. Gapurova, D.K.-S. Bataev. Grozny: AN Ch R. 2019;8:482-492. (In Russ.).
2. Akhmadov ShB. On social relations in Checheno-Ingushetia in the 18th century in Social relations and class struggle in Checheno-Ingushetia in the pre-revolutionary period (XI-early XX century). Grozny; 1979. p. 49-69. (In Russ.).
3. Ivanenkov NE. Mountain Chechens. Cultural and economic study of the Chechen district of the Upland strip of the Terek region in Tersky collection. Literary and scientific supplement to the "Tersky Calendar". 1911 / Ed. MA Karaulova. Vladikavkaz; 1910. Issue VII. 224 p. (In Russ.).
4. Isaev SA. From the history of social relations and class struggle in Checheno-Ingushetia in the last quarter of the 19th century: Social relations and class struggle in Checheno-Ingushetia in the pre-revolutionary period (XI-early XX century). Grozny; 1979. p. 102-116. (In Russ.).
5. Karpov YuYu. Images of violence in the modern and recent history of the peoples of the North Caucasus: Anthropology of violence / Managing editors V.V. Bocharov and V.A. Tishkov. St. Petersburg: Nauka; 2001. p. 221-262. (In Russ.).
6. Kokurkhaev K-S A-K. Socio-political system and law of the Chechens and Ingush. Grozny: Chechen-Ingush publishing; 1989. 112 p. (In Russ.).
7. Kosven MO. Family community and patronymy. Moscow: AN SSSR; 1963. 220 p. (In Russ.).
8. Lenin VI. Complete works: In 55 volumes. Moscow: Publishing house of political literature; 1971. Vol. 3. 792 p. (In Russ.).
9. Mamakaev MA. Chechen taip (genus) in the period of its decomposition. Grozny: Book Publishing House; 2009. 111 p. (In Russ.).
10. Essays on the history of the Chechen-Ingush ASSR Grozny: Chechen-Ingush book publishing house; 1967. Vol. I. 316 p. (In Russ.).
11. Ramazanov KhKh. Carrying out land reform in the mountainous regions of the North Caucasus: Problems of agrarian development of the North Caucasus in the 19th - early 20th centuries in Collection of scientific papers. Krasnodar; 1987. p. 34-45. (In Russ.).
12. Runovsky A. A look at estate rights and mutual relations of estates in Dagestan in Military collection. St. Petersburg; 1862. Vol. XXVI. p. 373-404. (In Russ.).
13. Terek calendar for 1895. Edition of the Terek Regional Statistical Committee, ed. G.A. Vertepova. Vladikavkaz; 1894. Iss. 4. 355 p. (In Russ.).
14. Kharadze RL. Some aspects of the rural-communal life of the mountain Ingush: Caucasian ethnographic collection. Essays on the ethnography of mountainous Ingushetia. Tbilisi: Metsniereba; 1968. Iss. II. p. 165-198. (In Russ.).
15. Kharadze RL., Robakidze AI. The nature of class relations in mountainous Ingushetia: Caucasian ethnographic collection. Essays on the ethnography of mountainous Ingushetia. Tbilisi: Metsniereba; 1968. Iss. II. p. 127-164. (In Russ.).
16. Khasbulatov AI. Checheno-Ingushetia on the eve of the first Russian bourgeois-democratic revolution. Grozny: Chechen-Ingush book publishing house; 1963. 79 p. (In Russ.).
17. Chechens / ed. LT. Solovyova, VA. Tishkov, ZI. Khasbulatov; Institute of Ethnology and Anthropology N.N. Miklukho-Maclay RAS; Kh. Ibragimov Complex Research Institute of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Nauka; 2012. 622 p. (In Russ.).